

ОТМЕНЕНО РЕШЕНИЕ

ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ А. СОЛЖЕНИЦЫНА ИЗ СП СССР

Заседание секретариата правления Союза писателей СССР под председательством первого секретаря В. Карпова было посвящено возвращению на Родину произведений А. И. Солженицына.

Секретариат правления Союза писателей СССР одобрил инициативы журнала «Новый мир» и издательства «Советский писатель», планирующих опубликовать произведения А. И. Солженицына в текущем году и в будущем, и отменил как неправильное, противоречащее принципам социалистического демократизма решение секретариата правления СП РСФСР от 5.XI.69 г., утвердившее исключение А. И. Солженицына из членов Союза писателей СССР. Секретариат поручил также писателям — народным депутатам СССР поставить перед Верховным Советом СССР вопрос об отмене Указа Президиума Верховного Совета СССР (от 12 февраля 1974 года), по которому А. И. Солженицын был лишен советского гражданства и выслан за пределы нашей страны.

Было заслушано сообщение секретаря правления Ю. Верченко об основных мероприятиях союза на второе полугодие 1989 г.

В работе секретариата приняли участие С. Баруздин, А. Салынский, С. Михалков, А. Вознесенский, Е. Сидоров, В. Розов, А. Адамович, С. Залыгин, П. Николаев, В. Крушин, Э. Сафонов, Р. Рождественский, Л. Васильева, Ф. Видрашук, Я. Петерс, В. Костров, Д. Урнов, В. Борисов, Ю. Суровцев, В. Мартинкус, Ю. Грибов, Е. Исеев, И. Стаднюк. Свои телеграммы с поддержкой решения секретариата прислали Г. Бакланов, Д. Гранин, А. Иванов.

ром», но запрещена. Опубликовано на Западе в 1968-м.

Именно эти книги наиболее близко подошли к легальности в нашей стране в 1960-е годы. Напечатанные за рубежом, они принесли писателю мировое признание, увенчавшееся Нобелевской премией 1970 года, и изгнание из Союза писателей СССР (1969).

«Архипелаг ГУЛАГ» писался в 1958—1968 годах на основе свидетельств уцелевших эзков, чудом доступных архивных материалов и личного опыта автора. Жанр этой книги — «художественное исследование».

Условия, в которых приходится исследовать тюремно-лагерную систему в СССР, «может быть, даже труднее археологических в некотором смысле. Все прямые документы или уничтожены, или так тайно хранятся, что к ним проникнуть нельзя, или будут уничтожены к тому моменту, когда можно будет проникнуть. Большинство свидетелей убито и умерло. И так, писать обыкновенное научное исследование, опирающееся на документы, на цифры, на статистику, не только невозможно мне сегодня, или кому-либо сегодня, но боюсь, что и никогда никому... Метод научного исследования в системе Советского Союза почти закрыт». «А с другой стороны, художественное исследование выступает не просто как эрзац научного, не просто потому, что научное невозможно, — так будем

первой редакции в 1973-м. Затем работа была прервана высылкой. Завершена в 1981-м, опубликована в 1983-м.

Узел Третий. «Март 1917» (в четырех томах). Повесть о февральской революции. Публикация его завершена год-два назад. Ожидается публикация Четвертого Узла — «Апрель 1917», вместе с которым первые три составляют первое действие «Красного Колеса» — «Революцию». Дальнейший замысел Солженицына простирается, по-видимому, до восстания тамбовских крестьян 1921 года.

(В 1975-м сплотно десять глав из «Августа», «Октября» и «Марта», в которых действует Ленин, опубликована отдельной книгой «Ленин в Цюрихе». После полного выхода этих Узлов «Ленин в Цюрихе» потеряла самостоятельное значение, войдя одной главой в «Август», шестью — в «Октябрь» и тремя — в «Март».)

Помимо чисто художественных произведений, перу Александра Солженицына принадлежит большой объем публицистики. Назовем лишь некоторые:

Письмо съезду Союза писателей. 1967.

Статья «Мир и насилие». 1973. Вынесенное в заголовок противопоставление есть логически полное и нравственно-истинное по сравнению с противопоставлением миру одной лишь войны, «горячей» или «холодной». (Увы, недавно у нас были новые поводы убедиться в правоте этой мысли.) Отсюда исходят. Солженицын выдвинул на Нобелевскую премию мира Андрея Дмит-

В ПОИСКАХ ИСТИНЫ

К ПУБЛИКАЦИИ ПРОЗЫ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

Александр СОЛЖЕНИЦЫН.
Главюра на дереве Н. КАЛИТЫ

определяется не происхождением и не родом занятий, а душой, которую сумел отграничить себе человек. Лишь потому, что с такой душой не обременена борьба за место под солнцем, народ располагается по преимуществу не на верхах общества.

И слова в «Архипелаге...», что Архипелаг дал страшную, но редчайшую возможность русской литературе: писать жизнь народа не «сверху вниз», ощущая вину перед ним и болезненную пропасть, а на равных, когда «спускаться в народ» уже было некуда, когда все было равно брошено в лагерное уничтожение. (Только мало вышло из лагерей, чтоб те книги до нас донести.)

Тот же смысл (а не «соцпроисхождение») имеют слова Солженицына о близких ему писателях-«деревенщиках»:

«В старой России крестьянство составляло 80—85 процентов населения страны — это собственно и был русский народ. Затем в советское время крестьянство подверглось массовому уничтожению. В наше время истинный писатель-«деревенщик» — есть истинно национальный писатель. Это тот, который придерживается поврежденных, погибших или еле сохраняющихся корней русской жизни. Вот почему я так специально выделяю их» (беседа со студентами-славистами в Цюрихском университете, 20 февраля 1975 г.).

Таким образом, сам Солженицын выдвигает критерии, совершенно отличные от классовых, то есть «расовых» (и от настоящих расовых тоже). — в первую очередь душу человека.

Роман «В круге первом» написан в конце 1950-х (96 глав), переделан по цензурным соображениям в вариант 87-главный (1964), арестованный с архивом в 1965-м, ставший широко известным в «самиздате». Восстановлен в 96-главном виде в 1968-м и впервые полностью опубликован автором в конце семидесятых.

«Один день Ивана Денисовича», рассказ (в «Новом мире», 1962, выходил как повесть). Написан в 1959-м.

Рассказы «Матренин двор» (1959), «Случай на станции Кречетовка» (1962), «Дяньпольский двор» (1963), «Захар-Калита» (1965) напечатаны в «Новом мире», 1963—1966. Другие рассказы шестидесятых годов: «Правая кисть», «Как жаль», «Пасхальный крестный ход», «крохотки» печатались только за границей.

«Ракетный корпус», повесть. Написана в 1963—1967 годах, принята «Новым ми-

исать нечто другое. Но потому, что (это мое глубокое убеждение) художественное исследование по своим возможностям и по уровню в некоторых отношениях выше научного. Художественное исследование обладает так называемым тоннельным эффектом, интуицией. Там, где научному исследованию надо преодолеть перевал, художественное исследование тоннелем интуиции проходит иногда короче и вернее» (уже цитированная беседа с цюрихскими студентами, 1975).

В конце лета 1973 года КГБ изъял рукопись «Архипелага...». Воздержавшийся ранее от публикации из «долга перед живыми» (опасаясь преследований свидетелей, давших показания о лагерях), Солженицын санкционировал печатание. «Архипелаг ГУЛАГ» вышел в декабре 1973 года в Париже (YMCA-press). За этим последовала травля писателя, завершившаяся арестом, обвинением в измене Родине, лишением гражданства и насильственной высылкой за границу.

Книга «Бодался теленок с дубом (очерки литературной жизни)» писалась кусками в 1967—1974 годах. В ней рассказывается история литературного труда и вынужденной общественной борьбы писателя вплоть до высылки. Опубликовано в 1975 году (Париж. YMCA-press).

«Красное Колесо» — главная книга Солженицына. Замысел ее возник еще в довоенном Ростове-на-Дону (1937), где был написан ряд глав. Это книга о русской революции и гражданской войне, дальних истоках и причинах трагедии, пережитой Россией в XIX веке. Но, как и в других произведениях писателя, ее содержание отнюдь не сводится к одной главной линии или плоскости. В многомерном пространстве «...Колеса» помещаются и философские размышления о глобальном смысле человеческой истории, и несколько «семейных романов» с гениально-тонким психологическим анализом. Это колоссальное повествование с сотнями героев, исторических, как генерал Самсонов и Петр Аркадьевич Столыпин, тех, у кого известны или угадываются прототипы, как Ободровский (Петр Акимович Пальчинский) или О. Андреевская (по-видимому, О. А. Добаш-Рождественская, о ней см. «Новый мир», № 3, 1989, стр. 252), и чисто романтических, как Воротищев или Арсений Благодарев. Композиция «...Колеса» использует понятия математики принцип «узловых точек»: для исследования функции важно знать ее поведение не в регулярных точках, а там, где достигается максимум, минимум, седло, происходит разрыв и т. п. Так и в исторической ткани (как и жизни отдельного человека) есть места, не обязательно приметные внешними событиями, где подспудно совершается перелом, поворот, происходит «узел». Солженицын дает эти места непрерывным повествованием большой плотности. Каждый Узел охватывает временной промежуток около месяца (откуда названия) и по форме может рассматриваться как полифонический роман (без главного героя).

К настоящему моменту опубликованы: Узел Первый. «Август 1914» (в двух томах). Стержень романа и основное содержание первого тома — «самосознание катастрофа», через которую автор проводит судьбу России во всей первой мировой войне. Второй том дает ретроспекцию из Узлов предыдущих (Сентябрь 1911 — Июнь 1907 — Июль 1906 — Октябрь 1905 — Январь 1905 — Осень 1904 — Лето 1903 — 1901 — 1899): о русских революционерах, жизни и деяниях Петра Аркадьевича Столыпина, его убийстве. «Этюд о монархе». Начат в 1937-м, возобновлен в 1969-м, окончен в 1970-м. Первое русское (зарубежное) издание — 1971. Дополнен новыми главами (1976—1978) и впервые издан уже двухтомным в 1981-м.

Узел Второй. «Октябрь 1916» (в двух томах). «Избран автором в качестве последнего перед революцией Узла как сгусток тяжелой и малоподвижной атмосферы тех месяцев». Непрерывная работа над ним начата в 1971-м. Окончен в

риевича Сахарова — присуждена в 1975 году.

Статьи «На возврате дыхания и сознания», «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни», «Образованщина» — в «самиздатском» сборнике «Из-под глыб» (1974).

«Жить не по лжи!» — обращение к русской интеллигенции. Составлено осенью 1973-го. Пущено в «самиздат» через сутки после ареста писателя — 13.11.74 г. (перепечатано в бюллетене «Век XX и мир», № 2, 1989).

«Письмо вождям Советского Союза» — отослано 5 сентября 1973-го, осталось без ответа. Опубликовано в январе 1974-го, до ареста, в разгар травли.

«Гарвардская речь» — произнесена на годовичном акте в Гарвардском университете (1978), куда А. И. Солженицын был приглашен почетным гостем. Повесть «расколото миру» (в более глубоком, чем политический, смысле), духовному тупику и растерянности, в которых оказалась человечество (особенно западное) перед наступающим Мировым Злом, речь получила огромный резонанс и была издана во многих странах.

Статьи «Чем грозит Америке плохое понимание России» и «Иметь мужество видеть» (1980). В них поднят коренной вопрос, является ли коммунизм чисто русским явлением по схеме: Иван Грозный — Петр — Аракчеев — Ленин — Троцкий — Сталин, основная причина которого — так называемая вековая отсталость России, или речь идет о гораздо более сложном и интернациональном феномене. Теперь это стало обсуждаться и в отечественной печати.

Не вменяется сюда, но важно упомянуть: общественные шаги А. И. Солженицына, несомненно, «Солженицынский фонд» — точное название «Русский Общественный Фонд помощи политзаключенным и их семьям», куда с 1974 года поступают все гонимые за все издания «Архипелага ГУЛАГ». Всероссийская Мемуарная Библиотека, основанная Солженицыным в 1977 году в штате Вермонт, где собираются личные воспоминания наших соотечественников, принадлежавших к первой и второй волне эмиграции, — для изучения, систематизации, чтобы впоследствии быть перевезенными на Родину и соединиться с подобными воспоминаниями людей, проживших всю жизнь в СССР. Книжная серия «Исследования новейшей русской истории», основанная Солженицыным в 1979 году, — в ней уже вышел не один труд.

Характернейшая черта творчества Александра Солженицына — внутреннее единство. Достаточно сказать, что принцип «узлов», идею «Красного Колеса» обсуждают уже герои «В круге первом», то есть самого раннего романа Солженицына. Там же возникает художественный образ тюремно-лагерной системы, как Архипелага ГУЛАГ. Этот образ и слово «ГУЛАГ» (по существу лишь одна из аббревиатур, которыми самозвавалось мрачное ведомство) ныне общеприняты. Можно указать сквозные темы (примеры: истребленное русское инженерство, русские пленники во второй мировой войне), изблуженных героев (инженер Пальчинский, описанный в «Архипелаге...» под именем Ободровского действует в «Красном Колесе»). И это лишь частности.

Главное же — «немой набат», который слышат Глеб Нержин «В круге первом» и сам автор: найти и рассказать! Докопаться к правде сквозь завалы лжи и против

В БЛИЖАЙШИХ номерах «Нового мира» предполагается публикация глав «Архипелага ГУЛАГ», выбранных автором. Согласно воле Александра Исаевича Солженицына — только после этого возможно печатание на Родине других его художественных произведений. Распоряжение последующими публикациями возложено автором на «Новый мир». Настало событие, которого ждали читатели в России и ждал весь цивилизованный мир, — ведь еще год назад само имя Солженицына было под запретом (лишь в прошлом августе немоту прорвала Елена Чуковская — «Вернуть Солженицыну гражданство СССР», «Книжное обозрение», № 32 от 5.08.88 г.).

К сожалению, не обошлось без ложки дегтя — пиратская публикация «Огонька» (см. В. Борисов. «Литературная газета», № 25, 21.06.89 г.; Е. Чуковская. «Книжное обозрение», № 25, 23.06.89 г.). Несколько преждевременным был и анонс о выходе сборника прозы А. Солженицына, предпосланный публикации статьи В. Бондаренко «Стержневая словесность» («Литературная Россия», № 21 от 26.05.89 г.). На этой статье мне бы хотелось остановиться особо.

На В. Бондаренко лежала исключительная ответственность: после трагического для нашей страны изгнания Солженицына впервые в легальной отечественной печати появляется работа, посвященная литературному разбору его произведений. Увы, из статьи В. Бондаренко читатель получит весьма деформированное представление об А. И. Солженицыне и его творчестве.

Допущена существенная неточность при изложении биографии Солженицына. Цитируя слова Солженицына (извлеченные из интервью газетам «Нью-Йорк Таймс» и «Вашингтон Пост» от 30 марта 1972 года, см. автобиографическую книгу «Бодался теленок с дубом...»), Бондаренко утверждает: «Отец и мать Солженицына происходили из крестьян». Сопоставление с В. Беловым, В. Астафьевым, В. Распутиным двумя абзацами выше создает у читателя иллюзию, что А. Солженицын — как бы еще один «деревенщик», писатель, непосредственно вышедший из крестьянской среды нечерноземной России.

Это вовсе не так. Приведенные слова Солженицына сказаны в ответ на распространявшуюся после выхода «Августа 1914» клевету о «классовом» происхождении его исторического взгляда, что-де он «из помещиков» и поэтому мечтает о реставрации «буржуазно-помещичьего строя». Никаких помещиков на Северном Кавказе, где родились отец и мать Солженицына, не было, земля принадлежала Терскому и Кубанскому казачьим войскам, которые отдавали мужикам-переселенцам землю «в аренду сколько угодно, по баснословно низкой цене». Дед Солженицына по материнской линии, Щербак, начав с гола, своим трудом стал владельцем богатой экономики: отец Солженицына учился в Московском университете, добровольцем пошел на войну 1914 года, был офицером, награжден орденами (погиб от несчастного случая в 1918 году). Эти сведения содержатся в том же интервью. Искусственное подвешивание писателя к «классической» крестьянской семье нужно критику, по-видимому, для обоснования своего рода «генетической» трактовки творчества Солженицына — по существу, того же классового подхода. Это принципиально противоречит идеям самого Александра Солженицына. Слушайте:

«Костоломов мотнул головой как отпнулся».

— Да ерунда это все — соцпроисхождение!

...Что у меня от папаша — эритроциты другие? лейкоциты? Вот я и говорю, что ваш взгляд не классовый, а расовый. Вы — расист!» («Ракетный корпус», глава 29).

И рассуждения автора «В круге первом» о народе, что принадлежность к народу

свистящего ветра эпохи и донести ее читателям. Этот немой набат провел Солженицына сквозь круги лагерного ада, вывел его из ташкентского ракового корпуса и обрел звук в его книгах.

Противопоставление одних солженицынских произведений другим, проводимое в статье В. Бондаренко, противоречит поэтому самой логике творчества Солженицына. Критик противопоставляет «Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор», «Раковый корпус», «Архипелаг ГУЛАГ» и «Красному Колесу», утверждая про первые, что именно они — несомненно вершинные произведения автора и наибольшая степень художественной свободы, писались «в охотку, радостно, раскрепощенно». В то время как «Архипелаг...» и «...Колесо» — лишь «долг перед народом», когда отодвигается в сторону изысканная словесность.

Не вступая в спор о вершинах солженицынского творчества (на наш взгляд, оно идет по восходящей, о чем свидетельствует последовательное развитие художественных приемов и особенно языка от ранних вещей к «...Колесу», а начато было уже с шедевра — «В круге первом»), обратим внимание критика, что «Архипелаг...» и «...Колесо» суть художественные произведения в отличие от приводимых примеров. Чеховский «Сахалин» есть очерк (подзаголовок «Из путевых заметок»), и естественно его сопоставлять с бытовыми и «этнографическими» местами в «Архипелаге...», что прямо и делает сам Солженицын в соответствующих главах, но не с «Архипелагом ГУЛАГ» в целом. «Дневник писателя» естественно сопоставлять с солженицынской публицистикой. «Не могу молчать» — «Жить не по лжи!» и так далее.

Соотношение конкретно «Ракового корпуса» и «Архипелага ГУЛАГ» вообще обратно утверждаемому В. Бондаренко. Как раз «Архипелаг...» писался с максимальной художественной свободой. А «Раковый корпус» был написан после захвата писательского архива в 1965-м как «соткрытая», всем доступная вещь, которая пока объявит, что я жив, работаю, которая займет в сознании общества тот объем, куда не прорвались конфискованные вещи» («Бодался теленок с дубом...», глава «Подранок»). В сентябре 1973-го тогдашние власти, уже понохавшие захваченный «Архипелаг...», через бывшую жену предложили А. Солженицыну напечатать «Раковый корпус» в обмен на отказ от публикации «...ГУЛАГа». Вот как рассказывает сам писатель (на сделку он не пошел):

«... Но если «Раковый корпус» сейчас печатают — ты не сделаешь публичного заявления, что ты одержал победу?»

— Ниногда. Даже удивляюсь вопросу. В крайнем случае скажу: разумная мера, для русской читающей публики... МНЕ-то это печатание почти уже и не нужно.

(А правда: нужно или не нужно? Как же не желать, не добиваться первой всего — своего печатания на Родине? Но вот уродство: так опоздало, что уже не стоит жертв. Символический тираж, чтобы только треп пускать о нашей свободе? Продать московским интеллигентам, у кого и так — «самиздатский» экземпляр на полке? Или, показавши в магазинах, да весь тираж — под нож? Вот сложилось! — я уже и сам не хочу. Москва — прочла, а Россия вся правда нужней, чем старый «Раковый...») («...Теленок», глава «Встречный бой»).

К этому моменту мы еще вернемся.

Нелепо противопоставление одних героев Солженицына другим по принципу «народности», проводимое в статье Бондаренко. Выше уже сказано о солженицынском понимании народности. Оно связано с образом Глеба Нержина («В круге первом»). Но из всех персонажей романа «народным», по мысли критика, оказывается один дворник Спиридон.

О чем же тогда роман?

Конечно, образ Спиридона чрезвычайно важен для авторского понимания народности, но не потому, что Спиридон — дворник. Матренина — вовсе не потому праведник, которым стоит вся земля наша, что она — трудовая крестьянка (в рассказе мы видим и других крестьян, отнюдь не праведников). Праведность — не социальная категория.

Критик утверждает, что Иван Денисович и Матренина — «личности соборные», несущие ответственность перед Богом за физическое сохранение русского народа, потому они — противоположно «героическим личностям» типа Буйновского или Цезаря Марковича — избирают себе «наиболее надежную систему выживания». Правда, нам не поясняют, какую. Загадочной остается, почему ту систему не выбрали все эски и все колхозники. Абзацами дальше, противореча сам себе, Бондаренко говорит про Денисовича, что такие, как он, «и в лазарет приходят, когда уже все списки давно поданы». Да знал бы Иван Денисович, он бы вовремя пришел, да «оно с вечера, когда нужно, так и не болит...». Какая уж там «система», когда Иван Денисович не знал, как один день прожить и что с ним завтра будет, — в этом и смысл рассказа.

К слову, Иван Денисович вовсе не так прост, как изобразил его В. Бондаренко. В нем и вера в Бога пошатнулась, и баптисты Алексеи, от него действительно в рассказе свет исходит, говорят от словami почти карамазовскими: «Я же не против Бога, понимаю. В Бога я охотно верю. Только вот не верю я в рай и в ад». Сравните: «Я не Бога не принимаю, пойми ты это, я мира Имя созданного, мира-то Божьего не принимаю и не могу согласиться принять», — это «братья Знакомые», брат Иван — брату Алексею. Но настоящие-то «карамазовские» вопросы — ставятся «В круге первом»: «что делать с урнами?» (Сологдин и Нержин), дискуссия со Спиридоном, Спиридоново решение («волюдава прав, людоед нет»). Разница с Достоевским в том, что по сравнению с XIX веком в XX стены мира резко сдвинулись («Что в Ва-

ших больших романах очень поражает, в «Раковом корпусе» и «Круге первом», это необычайная сгущенность места и времени, все сосредоточено в несколько дней и в закрытом помещении». — «Закрытое помещение это скорей след моей биографии. Я большую часть своей жизни провел в закрытых помещениях», и онтологические вопросы героев Достоевского для героев Солженицына стали вопросами экзистенциальными, попросту: ежемгновенного нравственного выбора, от которого и жизнь зависит.

Остается напомнить, что одна задача выживания не может быть главной целью действительно соборной, народной личности. Вспомним, что Бог за грехи отдавал на истребление древний Израиль, с которым имел завет, ибо «может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму» (Мф. 3. 9, Лк. 3. 8), а «кто душу (жизнь) свою хочет сберечь, тот потеряет ее» (Мф. 16. 25, Мр. 8. 35).

И истребительно-трудовые лагеря не оставляли места «надежной системе выживания».

Страшный вопрос народного выживания неразрешим одним тезисом, одной газетной статьёй. Мы и сейчас не знаем, выжили мы как народ или нет. Об этом весь «Архипелаг...».

(Мелкие несообразности у Бондаренко: Буйновский в рассказе вовсе не «герой», а скорее комический персонаж, новичок в лагере, чей протест на шмоне для бывшего эска смешон.)

Исходя из искусственной внесолженицынской трактовки, В. Бондаренко стремится провести грань между «народными» и «Одним днем...», «Раковым корпусом» и «менее народным» «В круге первом»: «народными» персонажами Матрениной, Денисовичем, Костоготовым, Спиридоном и «ненародными» Цезарем и кавторангом; вообще «народностью» книг Солженицына и «ненародностью» «новой лагерной прозы» (термин Бондаренко) А. Рыбакова, В. Гроссмана, Е. Гинзбург, А. Разгона. И попадает в просак: в «народные типы» зачисляется мерзейший Русанов², который, дескать, «крестьянского рода». В цитируемом куске о «любви Русановых к народу» критиком обворваны слова: «Но с годами они все больше терпеть не могли — населения. Этого строптивого, вечно уклоняющегося, упирающегося да еще чего-то требующего себе населения», — что меняет смысл на 180 градусов. О таких, как Русанов, в публицистике Солженицын писал, что они полностью утратили национальность. Какой уж там «крестьянский род»...

Значит ли это, что грань, которую пытается провести В. Бондаренко, отсутствует?

Вовсе нет. Только по Солженицыну она проходит иначе. «По эту сторону» оказываются и Матренина, и Нержин, и Шухов, и Цезарь, и Буйновский. А вот по другую — Волковой, «псы»-конвоиры, Осколупов, Русанов, Фетюков и подобные ему лагерные «ортодоксы», которые охотно шли «постучать к кому» (что было надежнейшей системой выжить). Некоторые из последних дожили до наших дней и получили возможность публично заявить свои претензии сталинизму как нанесшему большой ущерб делу социализма (некоторые именно сейчас и были разоблачены как стукачи). При этом Осип Мандельштам, выразивший стихами и прозой народный взгляд («но не волк я по крови своей», «есть прекрасный русский стих, который я не устану твердить в московские псиние ночи... не расстреливал несчастных по темницам»), оказывается с подавителем тамбовских крестьян маршалом Тухачевским по разные стороны искомой грани.

С «новой лагерной прозой» по Бондаренко вообще недоразумение. Рыбаков о лагерях не писал, и вообще — другой «вещовой категории». Евгения Гинзбург и Василий Гроссман — куда как не новая проза. Более того, воспоминания Евгения Гинзбург, написанные в 1960-е, использованы как документальное свидетельство в «Архипелаге...». В предисловии Солженицын писал, что он вынужден ссылаться на них как на общедоступные, и он верит, что когда-нибудь ведь так и будет, — и это сбывается.

Рискуя вызвать удивление, скажем, что Солженицын — вообще не «лагерный прозаик». Сопоставление, например, с Шаламовым возможно, но охватит лишь одну сторону солженицынского творчества. Даже чисто внешне пятидесятилетие писателя (1967) стало тем рубежом, после которого не писал он уже о лагерях, а смог приступить к совсем новой, огромной работе — роману о революции.

Александр Солженицын оказал огромное подспудное влияние на нашу духовную жизнь. Многие из того, что мы открываем для себя по кусочкам, уже давно в целостном виде выражено им (опускаю примеры из-за нехватки места). Созданный Солженицыным художественный мир нужно прежде всего осваивать. Давайте — читать.

Федор ВОРОНОВ

¹ Беседа с Н. А. Струве, Париж, март 1976.

² Стилистическое замечание: Бондаренко именует его «Павел Русанов», но так любовно он в повести не называется; для автора он сухо «Русанов» или «Павел Николаевич», Костоготова же спрашивает Демка о нем: «Кадр там?».